

Ф.М. Достоевский

**Село Степанчиково и его
обитатели**

Повести и рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Д70

Д70 **Достоевский Ф.М.**
Село Степанчиково и его обитатели: Повести и рассказы / Ф.М. Достоевский –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 608 с.

ISBN 978-5-517-99937-5

ISBN 978-5-517-99937-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

браку съ сорокадвухлѣтней вдовой. Надо полагать, что онъ подозрѣвалъ у ней деньги. Другіе думали, что ему, просто, нужна была нянька, такъ какъ онъ тогда уже предчувствовалъ весь этотъ роі болѣзней, который осадилъ его потомъ на старости лѣтъ. Извѣстно одно, что генералъ глубоко не уважалъ жену свою во все время своего съ ней сожителства и язвительно смѣялся надъ ней при всякомъ удобномъ случаѣ. Это былъ странный человѣкъ. Полуобразованный, очень неглупый, онъ рѣшительно презиралъ всѣхъ и cadaго, не имѣлъ никакихъ правилъ, смѣялся надъ всѣмъ и надъ всѣми, и къ старости, отъ болѣзней, бывшихъ слѣдствіемъ не совсѣмъ правильной и праведной жизни, сдѣлался золь, раздражителенъ и безжалостенъ. Служилъ онъ удачно; однако, принужденъ былъ по какому-то «непріятному случаю» очень неладно выйти въ отставку, едва избѣгнувъ суда и лишившись своего пенсіона. Это озлобило его окончательно. Почти безъ всякихъ средствъ, владѣя сотней разоренныхъ душъ, онъ сложилъ руки и во всю остальную жизнь, цѣлыя двѣнадцать лѣтъ, никогда не справлялся, чѣмъ онъ живетъ, кто содержитъ его; а между тѣмъ требовалъ жизненныхъ удобствъ, не ограничивалъ расходовъ, держалъ карету. Скоро онъ лишился употребленія ногъ и послѣднія десять лѣтъ просидѣлъ въ покойныхъ креслахъ, подкачиваемыхъ, когда было нужно, двумя сажеными лакеями, которые никогда ничего отъ него не слышали, кромѣ самыхъ разнообразныхъ ругательствъ. Карету, лакеевъ и кресла содержалъ непочтительный сынъ, посылалъ матери послѣднее, закладывая и перезакладывая свое имѣніе, отказывая себѣ въ необходимѣйшемъ, войдя въ долги, почти неоплатные по тогдашнему его состоянію, и все-таки названіе эгоиста и неблагодарнаго сына осталось при немъ неотъемлемо. Но дядя былъ такого характера, что, наконецъ, и самъ повѣрилъ, что онъ эгоистъ, а потому, въ наказаніе себѣ и

чтобъ не быть эгоистомъ, все болѣе и болѣе присылать денегъ. Генеральша благоговѣла передъ своимъ мужемъ. Впрочемъ, ей всего болѣе нравилось то, что онъ генераль, а она по немъ — генеральша.

Въ домѣ у ней была своя половина, гдѣ все время полусуществованія своего мужа она процвѣтала въ обществѣ приживалокъ, городскихъ вѣстовницъ и фиделекъ. Въ своемъ городкѣ она была важнымъ лицомъ. Силетни, приглашенія въ крестныя и посаженныя матери, копеечный преферансъ и вообще уваженіе за ея генеральство вполнѣ вознаграждали ее за домашнее стѣсненіе. Къ ней являлись городскія сороки съ отчетами; ей всегда и вездѣ было первое мѣсто, — словомъ, она извлекла изъ своего генеральства все, что могла извлечь. Генераль во все это не вмѣшивался; но зато при людяхъ — онъ смѣялся надъ женою безсовѣстно, задавалъ, напримѣръ, себѣ такіе вопросы: зачѣмъ онъ женился на «такой просвириѣ»? — и никто не смѣлъ ему противорѣчить. Мало-по-малу его оставили всѣ знакомые, а между тѣмъ общество было ему необходимо: онъ любилъ поболтать, поспорить, любить, чтобъ передъ нимъ всегда сидѣлъ слушатель. Онъ былъ вольнодумецъ и атеистъ стараго покроя, а потому любилъ потраکتовать и о высокихъ матеріяхъ.

Но слушатели городка X* не жаловали высокихъ матерій и становились все рѣже и рѣже. Пробовали было завести домашній вистъ-преферансъ; но игра кончалась обыкновенно для генерала такими припадками, что генеральша и ея приживалки, въ ужасѣ, ставили свѣчки, служили молебны, гадали на бобахъ и на картахъ, раздавали калачи въ острогѣ и съ трепетомъ ожидали послѣобѣденнаго часа, когда опять приходилось составлять партію для виста-преферанса и принимать за каждую ошибку крики, визги, ругательства и чуть-чуть не побои. Генераль, когда что ему не нравилось, ни передъ кѣмъ не стѣснялся: визжалъ,

какъ баба, ругался, какъ кучеръ, а иногда, разорвавъ и разбросавъ по полу карты и прогнавъ отъ себя своихъ партнеровъ, даже плакалъ съ досады и злости, и не болѣе, какъ изъ-за какого-нибудь валега, котораго сбросили вмѣсто девятки. Наконецъ, по слабости зрѣнія, ему понадобился чтецъ. Тутъ-то и явился Ома Омичъ Опискинъ.

Признаюсь, я съ нѣкоторою торжественностью возвращаю объ этомъ новомъ лицѣ. Оно, безспорно, одно изъ главнѣйшихъ лицъ моего разказа. Насколько оно имѣетъ право на вниманіе читателя — объяснять не стану: такой вопросъ прѣличнѣе и возможнѣе разрѣшить самому читателю.

Явился Ома Омичъ къ генералу Крахоткину, какъ приживальщикъ изъ хлѣба — ни болѣе, ни менѣе. Откуда онъ взялся — покрыто мракомъ неизвѣстности. Я, впрочемъ, нарочно дѣлалъ справки и кое-что узналъ о прежнихъ обстоятельствахъ этого достопримѣчательнаго человѣка. Говорили, во-первыхъ, что онъ когда-то и гдѣ-то служилъ, гдѣ-то пострадалъ и ужъ, разумѣется, «за правду». Говорили еще, что когда-то онъ занимался въ Москвѣ литературою. Мудренаго нѣтъ: грязное же невѣжество Омы Омича, конечно, не могло служить помѣхою его литературной карьерѣ. Но достоверно извѣстно только то, что ему ничего не удалось и что, наконецъ, онъ принужденъ былъ поступить къ генералу въ качествѣ чтеца и мученика. Не было униженія, котораго бы онъ не перенесъ изъ-за куска генеральскаго хлѣба. Правда, вполнѣдствіи, по смерти генерала, когда самъ Ома совершенно неожиданно сдѣлался вдругъ важнымъ и чрезвычайнымъ лицомъ, онъ не разъ увѣрялъ насъ всѣхъ, что, согласясь быть шуткомъ, онъ великодушно пожертвовалъ собою дружбѣ; что генералъ былъ его благодѣтель; что это былъ человѣкъ великій, непонятый, и что одному ему, Омѣ, довѣрялъ онъ сокровеннѣйшія тайны души своей; что,

накопецъ, если онъ, Оома, и изображалъ собою, по генеральскому востребованію, различныхъ звѣрей и имья живыя картины, то единственно, чтобы развлечь и развеселить удрученнаго болѣзнями страдальца и друга. Но увѣренія и толкованія Оомы Оомича въ этомъ случаѣ подвергаются большому сомнѣнію; а между тѣмъ, тотъ же Оома Оомичъ, еще будучи шутомъ, разыгрывалъ совершенно другую роль на дамской половинѣ генеральскаго дома. Какъ онъ это устроилъ — трудно представить неспеціалисту въ подобныхъ дѣлахъ. Генеральша питала къ нему какое-то мистическое уваженіе, — за что? Непозвѣстно. Мало-по-малу онъ достигъ надъ всею женскою половиною генеральскаго дома удивительнаго вліянія, отчасти похожаго на вліянія различныхъ Иванъ Яковлевичей и тому подобныхъ мудрецовъ и прорицателей, посѣщаемыхъ въ сумасшедшихъ домахъ иными барынями, изъ любительницъ. Онъ читалъ вслухъ душеспасительныя книги, толюовалъ съ краснорѣчивыми слезами о разныхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ; рассказывалъ свою жизнь и подвиги; ходилъ къ обѣднѣ и даже къ заутрени, отчасти предсказывалъ будущее; особенно хорошо умѣлъ толковать сны и мастерски осуждалъ ближняго. Генераль догадывался о томъ, что происходитъ въ заднихъ комнатахъ, и еще безпощаднѣе тиранилъ своего приживальщика. Но мученичество Оомы доставляло ему еще большее уваженіе въ глазахъ генеральши и всѣхъ ея домочадцевъ.

Наконецъ, все перемѣнилось. Генераль умеръ. Смерть его была довольно оригинальная. Бывшій вольнодумецъ, атеистъ, струсилъ до невѣроятности. Онъ плакалъ, каялся, подымалъ образа, призывалъ священниковъ. Служили молебны, соборовали. Бѣднякъ кричалъ, что не хочетъ умирать, и даже со слезами просилъ прощенія у Оомы Оомича. Последнее обстоятельство придало Оомѣ Оомичу вполнѣдствіи необыкновеннаго форсу. Впрочемъ, передъ самой разлукой генеральскою

души съ генеральскимъ тѣломъ, случилось вотъ какое происшествіе. Дочь генеральши отъ перваго брака, тетушка моя, Прасковья Ильинична, засидѣвшаяся въ дѣвкахъ и проживавшая постоянно въ генеральскомъ домѣ, — одна изъ любимѣйшихъ жертвъ генерала и необходимая ему во все время его десятилѣтняго безножія для непрерывныхъ услугъ, умѣвшая одна угодить ему своею простоватостью и безответною кротостью, — подошла къ его постели, проливая горькія слезы, и хотѣла было поправить подушку подъ головою страдалца; но страдалецъ успѣлъ-таки схватить ее за волосы и три раза дернуть ихъ, чуть не пѣнясь отъ злости. Минуть черезъ десять онъ умеръ. Дали знать полковнику, хотя генеральша и объявила, что не хочетъ видѣть его, что скорѣе умретъ, чѣмъ пустить его къ себѣ на глаза въ такую минуту. Похороны были великолѣпныя — разумѣется, на счетъ непочтительнаго сына, котораго не хотѣли пускать на глаза.

Въ разоренномъ селѣ Князевкѣ, принадлежащемъ пѣсколькимъ помѣщикамъ и въ которомъ у генерала была своя сотня душъ, существуетъ мавзолей изъ бѣлаго мрамора, испещренный хвалебными надписями уму, талантамъ, благородству души, орденамъ и генеральству усопшаго. Ѳома Ѳомичъ сильно участвовалъ въ составленіи этихъ надписей. Долго ломалась генеральша, отказывая въ прощеніи непокорному сыну. Она говорила, рыдая и взвизгивая, окруженная толпой своихъ приживалокъ и мосекъ, что скорѣе будетъ ѣсть сухой хлѣбъ и, ужъ разумѣется, «запивать его своими слезами», что скорѣе пойдетъ съ палочкой выпрашивать себѣ подаеніе подъ окнами, чѣмъ склонится на просьбу «непокорнаго» переѣхать къ нему въ Степанчиково, и что *нога* ея никогда-никогда не будетъ въ домѣ его! Вообще, слово *нога*, употребленное въ этомъ смыслѣ, произносится съ необыкновеннымъ эффектомъ иными барынями. Генеральша мастерски, художественно

пронзпосила его. . Словомъ, краснорѣчія было истрачено въ невѣроятномъ количествѣ. Надо замѣтить, что во время самыхъ этихъ взвизгиваній, уже помаленьку укладывались для переезда въ Степанчиково. Полковникъ заморилъ всѣхъ своихъ лошадей, дѣлая почти каждадневно по сорока верстъ изъ Степанчикова въ городъ, и только черезъ двѣ недѣли послѣ похоронъ генерала получилъ позволеніе явиться на глаза оскорбленной родительницы. Оома Оомичъ былъ употребленъ для переговоровъ. Во всѣ эти двѣ недѣли онъ укорялъ и стыдилъ непокорнаго «безчеловѣчнымъ» его поведеніемъ, довелъ его до искреннихъ слезъ, почти до отчаянія. Съ этого-то времени и начинается все непостижимое и безчеловѣчно-деспотическое вліяніе Оомы Оомича на моего бѣднаго дядю. Оома догадался, какой передъ нимъ человѣкъ, и тотчасъ же почувствовалъ, что прошла его роль шута, и что на безлюдьи и Оома можетъ быть дворяниномъ. Зато и наверсталъ же онъ свое.

— Каково же будетъ вамъ, — говорилъ Оома, — если собственная ваша мать, такъ сказать, виновница дней вашихъ, возьметъ палочку и, опираясь на нее дрожащими и изсохшими отъ голода руками, начнетъ въ самомъ дѣлѣ испрашивать себѣ подавнія? Не чудовищно ли это, во-первыхъ, при ея генеральскомъ значеніи, а во-вторыхъ, при ея добродѣтеляхъ? Каково вамъ будетъ, если она вдругъ придетъ, разумѣется, ошибкой — но вѣдь это можетъ случиться — подъ ваши же окна и протянетъ руку свою, тогда какъ вы, родной сынъ ея, можетъ быть, въ ту самую минуту утопаете гдѣ-нибудь въ пуховой перинѣ и . . . ну, вообще въ роскоши! Ужасно-ужасно! Но всего ужаснѣе то, — позвольте это вамъ сказать откровенно, полковникъ, — всего ужаснѣе то, что вы стоите теперь передо мною, какъ безчувственный столбъ, разиня ротъ и хлопая глазами, что даже неприлично, тогда какъ при одномъ предположеніи подобнаго случая вы бы должны

были вырвать съ корнемъ волосы изъ головы своей и испустить ручьи . . . что я говорю! Рѣки, озера, моря, океаны слезъ . . .

Словомъ, Оома, отъ излишняго жара, зарпортовался. Но таковъ былъ всегдашній исходъ его краснорѣчя. Разумѣется, кончилось тѣмъ, что генеральша, вмѣстѣ съ своими приживалками, собачонками, съ Оомой Оомичомъ и съ дѣвицей Перепелицыной, своей главной наперсницей, осчастливила, наконецъ, своимъ прибытиемъ Степанчиково. Она говорила, что только *попробуетъ* жить у сына, покамѣстъ только испытаетъ его почтительность. Можно представить себѣ положеніе полковника, покамѣстъ испытывали его почтительность! Сначала, въ качествѣ недавней вдовы, генеральша считала своею обязанностью въ недѣлю раза два или три впадать въ отчаяніе при воспоминаніи о своемъ безвозвратномъ генералѣ; при чемъ, неизвѣстно за что, аккуратно каждый разъ доставалось полковнику. Иногда, особенно при чьихъ-нибудь посѣщеніяхъ, подозвавъ къ себѣ своего внука, маленькаго Илюшу, и пятнадцатилѣтнюю Сашеньку, внучку свою, генеральша сажала ихъ подлѣ себя, долго-долго смотрѣла на нихъ грустнымъ, страдальческимъ взглядомъ, какъ на дѣтей, погибшихъ у *такого отца*, глубоко и тяжело вздыхала и, наконецъ, заливалась безмолвными таинственными слезами, по крайней мѣрѣ, на цѣлый часъ. Горе полковнику, если онъ не умѣлъ *понять* этихъ слезъ! А онъ, бѣдный, почти никогда не умѣлъ ихъ понять и почти всегда, по наивности своей, подвертывался, какъ нарочно, въ такія слезливыя минуты и, волей-неволей, попадалъ на экзаменъ. Но почтительность его не уменьшалась и, наконецъ, дошла до послѣднихъ предѣловъ. Словомъ, оба, и генеральша и Оома Оомичъ, почувствовали вполне, что прошла гроза, гремѣвшая надъ нимъ столько лѣтъ отъ лица генерала Крахоткина, — прошла и никогда не воротится. Бывало, генеральша

вдругъ, ни съ того, ни съ сего, покатится на дивангъ въ обморокъ. Подымется бѣотня, суетня. Полковникъ уничтожится и дрожить, какъ осиновый листъ.

— Жестокій сынъ! — кричитъ генеральша, очнувшись, — ты растерзалъ мои внутренности . . . *mes entrailles, mes entrailles!*

— Да чѣмъ же, маменька, я растерзалъ ваши внутренности? — робко возражаетъ полковникъ.

— Растерзалъ! Растерзалъ! Онъ еще и оправдывается! Она грубитъ. Жестокій сынъ! Умираю! . . .

Полковникъ, разумѣется, уничтоженъ.

Но какъ-то такъ случилось, что генеральша всегда оживала. Черезъ полчаса полковникъ толкуетъ кому-нибудь, взявъ его за пуговицу.

— Ну, да вѣдь она, братецъ, *grande dame*, генеральша! Добрѣйшая старушка; но, знаешь, привыкла ко всему этакому утонченному . . . не чета мнѣ, вахлаку! Теперь на меня сердится. Оно, конечно, — я виновать. Я, братецъ, еще не знаю, чѣмъ я именно провинился, по, ужъ, конечно, я виновать . . .

Случалось, что дѣвица Перепелыцына, перезрѣлое и шипящее на весь свѣтъ созданіе, безбровая, въ накладкѣ, съ маленькими плотоядными глазками, съ тоненькими, какъ ниточка, губами и съ руками, вымытыми въ огуречномъ разсолѣ, считала своею обязанностью прочесть наставленіе полковнику:

— Это оттого, что вы непочтительны-съ. Это оттого, что вы эгонисты-съ, оттого вы и оскорбляете маменьку-съ; онѣ къ этому не привыкли-съ. Онѣ генеральши-съ, а вы еще только полковники-съ.

— Это, братъ, дѣвица Перепелыцына, — замѣчаетъ полковникъ своему слушателю, — превосходнѣйшая дѣвица, горой стоять за маменьку! Рѣдкая дѣвица! Ты не думаѣ, что она приживалка какая-нибудь; она, братъ, сама подполковничья дочь. Вотъ оно какъ!

Но, разумѣется, это были еще только цвѣтки. Та

же самая генеральша, которая умѣла выкидывать такіе разнообразные фокусы, въ свою очередь трепетала, какъ мышка, передъ прежнимъ своимъ приживальщикомъ. Тома Томичъ заморозилъ ее окончательно. Она не надышала на него, слышала его ушами, смотрѣла его глазами. Одинъ изъ моихъ троюродныхъ братьевъ, тоже отставной гусарь, человѣкъ еще молодой, но замотавшійся до невѣроятной степени и проживавшій одно время у дяди, прямо и просто объявилъ мнѣ, что, по его глубочайшему убѣжденію, генеральша находилась въ непозволительной связи съ Томой Томичомъ. Разумѣется, я тогда же съ негодованіемъ отвергъ это предположеніе, какъ ужъ слишкомъ грубое и просто-душное. Нѣтъ, тутъ было другое, и это другое я никакъ не могу объяснить иначе, какъ предварительно объяснивъ читателю характеръ Тома Томича такъ, какъ я самъ его понялъ въ послѣдствіи.

Представьте же себѣ человѣчка, самаго ничтожнаго, самаго малодушнаго, выкидыша изъ общества, никому не нужнаго, совершенно бесполезнаго, совершенно гаденькаго, но необъятно самолюбиваго и, въдобавокъ, не одареннаго рѣшительно ничѣмъ, чѣмъ бы могъ онъ, хоть сколько-нибудь, оправдать свое болѣзненно-раздраженное самолюбіе. Предупреждаю заранѣе: Тома Томичъ есть олицетвореніе самолюбія самаго безграничнаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, самолюбія особеннаго, именно: случающагося при самомъ полномъ ничтожествѣ, и, какъ обыкновенно бываетъ въ такомъ случаѣ, самолюбія оскорбленнаго, подавленнаго тяжкими прежними неудачами, загнонившагося давно-давно, и съ тѣхъ поръ выдавливающаго изъ себя зависть и ядъ при каждой встрѣчѣ, при каждой чужой удачѣ. Нечего и говорить, что все это приправлено самою безобразною обидчивостью, самою сумасшедшею мнительностью. Можетъ быть, спросятъ: откуда берется такое самолюбіе? Какъ зарождается оно, при такомъ полномъ

ничтожествомъ, въ такихъ жалкихъ людяхъ, которые, уже по социальному положенію своему, обязаны знать свое мѣсто? Какъ отвѣчать на этотъ вопросъ? Кто знаетъ, можетъ быть, есть и исключенія, къ которымъ и принадлежитъ мой герой. Онъ и дѣйствительно есть исключеніе изъ правила, что и объясняется впоследствии. Однакожъ, позвольте спросить: увѣрены ли вы, что тѣ, которые уже совершенно смирились и считаютъ себя за честь и за счастье быть вашими шутами, приживальщиками и прихлебателями — увѣрены ли вы, что они уже совершенно отказались отъ всякаго самолюбія? А зависть, а сплетни, а лбедничество, а доносы, а таинственные шипѣнія въ заднихъ углахъ у васъ же, гдѣ-нибудь подъ бокомъ, за вашимъ же столомъ? Кто знаетъ, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ униженныхъ судьбою скитальцевъ, вашихъ шутовъ и юродивыхъ, самолюбіе не только не проходитъ отъ униженія, но даже еще болѣе распаляется именно отъ этого же самаго униженія, отъ юродства и шутовства, отъ прихлебательства и вѣчно выпуждаемой подчиненности и безличности. Кто знаетъ, можетъ быть, это безобразно-вырастающее самолюбіе есть только ложное, первоначально-извращенное чувство собственнаго достоинства, оскорбленнаго въ первый разъ еще, можетъ быть, въ дѣтствѣ — гнетомъ, бѣдностью, грязью, оплеваннаго, можетъ быть, еще въ лицѣ родителей будущаго скитальца, на его же глазахъ? Но я сказалъ, что Ома Омичъ есть, къ тому же, и исключеніе изъ общаго правила. Это и правда, онъ былъ когда-то литераторомъ и былъ огорченъ и не признанъ, а литература способна загубить и не одного Ому Омича — разумѣется, непризнанная. Не знаю, но надо полагать, что Омѣ Омичу не удалось еще и прежде литературы; можетъ быть, и на другихъ карьерахъ онъ получилъ только одни щелчки, вмѣсто жалованья, или что-нибудь еще того хуже. Это мнѣ, впрочемъ, неизвѣстно; но я впоследствии справлялся